

Создатель

ЛЕОПОЛЬДО ЛУГОНЕСУ

Гул площади остается позади, я вхожу в библиотеку. Кожей чувствую тяжесть книг, безмятежный мир порядка, высушенное, чудом сохраненное время. Слева и справа, в магическом круге снов наяву, на секунду обрисовываются лица читателей под кропотливыми лампами, как сказал бы латинизирующий Мильтон. Вспоминаю, что уже вспоминал здесь однажды эту фигуру, а кроме того — другое ловящее их абрис выражение из «Календаря», «верблюды безводный», и, наконец, гекзаметр «Энеиды», взнуздавший и подчинивший себе тот же троп:

Ibant obscuri sola sub nocte per umbram¹.

Размышления обрываются у дверей его кабинета. Вхожу, мы обмениваемся условными теплыми фразами, и вот я дарю ему эту книгу. Насколько знаю, он следил за мной не без приязни и порадовался бы, зайдя я порадовать

¹ Шли незримо они одинокою ночью сквозь тени (лат.).

его чем-то сделанным. Этого не случилось, но сейчас он перелистывает томик и одобрительно пробует на слух ту или иную строку, то ли узнав в ней собственный голос, то ли различив за ущербным исполнением здравую мысль.

Тут мой сон исчезает, как вода в воде. За стенами — улица Мехико, а не прежняя Родригес Пенья, и Лугонес давным-давно, еще в начале тридцать восьмого, покончил счеты с жизнью. Все это выдумали моя самонадеянность и тоска. Верно (думаю я), но завтра наступит мой черед, наши времена сольются, даты затеряются среди символов, и потому я не слишком грешу против истины, представляя, будто преподнес ему эту книгу, а он ее принял.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 9 августа 1960 г.

СОЗДАТЕЛЬ

Он никогда не отвлекался на утехы памяти. Беглые и неуловимые впечатления скользили, не задевая: киноварь горшечника; небосвод, отягощенный звездами, они же — боги; луна, с которой когда-то свалился лев; гладь мрамора под неспешными чуткими пальцами; вкус кабаньего мяса, которое он любил рвать белыми и цепкими зубами; разговор двух финикийцев; четкая тень копья на желтом песке; прикосновение женщины или моря; тягучее вино, чья терпкость уравнивала мед, — разом вытесняли из сердца все остальное. Ему случалось испытывать страх, как, впрочем, и ярость или отвагу, а однажды он даже первым вскарабкался на вражеский вал. Ненасытный, любопытствующий, всегда неожиданный, повинуюсь единственному закону — удовольствию, переходящему в безразличие, он скитался по многим землям и видел, по разные стороны моря, города и дворцы живущих. В толчее рынков и у подножия теряющихся в небе круч, где вполне могли резвиться сати-

ры, он слышал запутанные рассказы, которые принимал как явь, — не доискиваясь, правда они или выдумка.

Мало-помалу прекрасный мир отдалился: упрямая дымка заволокла линии руки; ночь погасила звезды; земля стала уходить из-под ног. Все уплывало и мутилось. Поняв, что ослеп, он разрыдался; стоическое самообладание еще не изобрели, и Гектор мог без ущерба спастись бегством. «Больше я не увижу, — думал он, — ни неба, дышащего ужасом мифов, ни своего лица, которое перекроют годы». Дни и ночи сменялись над безутешным телом, но однажды утром он открыл глаза, увидел (уже не пугаясь) размытые мелочи обихода и неизвестно почему — будто узнав мотив или голос — почувствовал, что все это уже однажды было, и смотрел вокруг с тем же ужасом, но и с восторгом, надеждой и удивленьем. И тогда он нырнул в глубины памяти, на миг приотворившей свои бездны, и выхватил из круговерти забытое воспоминание, сверкнувшее, как монета под дождем, может быть, потому, что раньше он его никогда не бередил — разве что во сне.

Вот что ему припомнилось. Его обозвал один мальчишка, и он примчался рассказать все отцу. Тот выслушал, будто не слыша или не

понимая, и снял со стены чудесный, налитый мощью бронзовый клинок, о котором мальчик втайне мечтал. Теперь он держал его в руках и от счастья совсем позабыл перенесенную обиду, когда зазвучал голос отца: «Пусть знают, что ты уже мужчина», — и в этом голосе слышался приказ. Ночь стерла дороги; прижимая вобравший волшебную силу клинок, он спустился по крутому откосу у дома и выбежал на берег моря, грезя об Аяксе и Персее и одушевляя соленую темноту ранами и ударами. Этот привкус далекого мига он и искал; остальное — выкрики перед схваткой, неуклюжая возня и путь домой с окровавленным лезвием — было не важно.

И еще одно воспоминание — тоже дышавшее ночью и неотвратимостью встречи — пришло следом. В сумрачном подземелье его ждала женщина — первая, ниспосланная ему богами, а он искал ее по галереям, похожим на каменные силки, и лестницам, уводящим во тьму. Отчего эти воспоминания вдруг явились ему теперь и явились без боли — просто как предвестие нынешнего дня?

Похолодев, он понял. В непроглядной для его смертных глаз ночи, куда он сейчас сходил, его тоже ждали любовь и опасность, Арес и Афродита: он уже угадывал (подступая все

ближе) гул славы и гекзаметров, гул схватки за святилище, которое обороняли люди и не пожелали спасти боги, гул черных судов, ищущих посреди моря долгожданный остров, гул всех «Одиссей» и «Илиад», которые он сложит и пустит перекатываться в памяти поколений. Теперь это знает каждый, а он почувствовал первым и лишь сходя в кромешную тьму.

DREAMTIGERS¹

В детстве я боготворил тигров — не пятнистых кошек болот Параны или рукавов Амазонки, а полосатых, азиатских, королевских тигров, сразиться с которыми может лишь вооруженный, восседая в башенке на спине слона. Я часами простаивал у клеток зоологического сада; я расценивал объемистые энциклопедии и книги по естественной истории сообразно великолепию их тигров. (Я и теперь помню те картинки, а безошибочно представить лицо или улыбку женщины не могу.) Детство прошло, тигры и страсть постарели, но еще доживают век в моих сновидениях. В этих глубоководных, перепутанных сетях мне чаще всего попадаются именно они, и вот как это бывает: уснув, я развлекаюсь тем или иным сном и вдруг понимаю, что вижу сон. Тогда я думаю: это же сон, чистая прихоть моей воли, и, раз моя власть безгранична, сейчас я вызову тигра.

¹ Тигры из снов (*англ.*).

О неискушенность! Снам не под силу создать желанного зверя. Тигр появляется, но какой? — или похожий на чучело, или едва стоящий на ногах, или с грубыми изъянами формы, или невозможных размеров, то тут же скрываясь, то напоминая скорее собаку или птицу.

ДИАЛОГ ОБ ОДНОМ ДИАЛОГЕ

А. — За разговорами о бессмертии мы не заметили, как стемнело, и не зажгли свет. Лиц было уже не видно. С бесстрашием и ненавязчивостью, убеждавшими лучше любого пыла, голос Маседонио Фернандеса повторял, что душа вечна. Смерть тела — пустяк, убеждал меня этот голос, умереть — самое ничтожное из всего, что может произойти с человеком. Я играл с ножом Маседонио — открывал его, снова складывал. Где-то неподалеку аккордеон тянул бесконечную «Кумпарситу», хныкающий мотивчик, который нравится многим только за то, что они сумели себя убедить, будто он — старинный... Давай покончим с собой, предложил я Маседонио, и доспорим, уже не отвлекаясь.

Z (*с издевкой*). — Но кажется, вы так и не решились.

А (*уже не отсюда*). — Честно говоря, не помню, покончили мы в тот вечер с собой или нет.

НОГТИ

Днем их нежат ласковые носки, носят подбитые кожаные туфли, но этим пальцам ног ни до чего нет дела. У них на уме одно: отращивать ногти — мутноватые и гибкие роговые пластинки, защиту от кого? Грубые, нелюдимые, каких поискать, ни на секунду не прервут они выделку своего смехотворного оружия, которое снова и снова урезает неумолимая золингеновская сталь. Девяносто сумрачных дней в материнской утробе они только и занимались этим производством. Когда меня отнесут на Реколету, в последний, пепельного цвета приют, украшенный искусственными цветами и разными талисманами, они опять продолжат свой упорный труд, пока их не уймет распад. Их и щетину на подбородке.

ВЕЩИЕ ЗЕРКАЛА

Ислам утверждает, что в неизреченный Судный день всякий грешивший изображением живого воскреснет среди своих созданий, и повелят ему вдохнуть в них жизнь, и грешник потерпит крах и рухнет с ними вместе в огонь вечной кары. В детстве я знал этот ужас перед удвоением или умножением вещей; причиной его были зеркала. Их безотказное и безостановочное действие, охота за каждым шагом, вся эта космическая пантомима, как только стемнеет, снова казалась мне чем-то потусторонним. Одна из постоянных моих тогдашних молитв Богу и ангелу-хранителю — не увидеть зеркал во сне. Они достаточно пугали меня наяву. То я боялся, что изображение в них разойдется с явью, то страшился увидеть свое лицо изувеченным небывалой болезнью. Страхи, как я узнал потом, оказались не напрасными. История совершенно проста, хотя и не слишком приятна.

СОДЕРЖАНИЕ

Создатель

Леопольдо Лугонесу. <i>Перевод Б. Дубина</i>	7
Создатель. <i>Перевод Б. Дубина</i>	9
Dreamtigers. <i>Перевод Б. Дубина</i>	13
Диалог об одном диалоге. <i>Перевод Б. Дубина</i>	15
Ногти. <i>Перевод Б. Дубина</i>	16
Вещи зеркала. <i>Перевод Б. Дубина</i>	17
Argumentum ornithologicum <i>Перевод Б. Дубина</i>	20
Пленник. <i>Перевод Б. Дубина</i>	21
Подобье. <i>Перевод Б. Дубина</i>	23
Делия Элена Сан-Марко. <i>Перевод Б. Дубина</i>	25
Диалог мертвых. <i>Перевод Б. Дубина</i>	27
Сюжет. <i>Перевод Б. Дубина</i>	31
Задача. <i>Перевод Б. Дубина</i>	32
Желтая роза. <i>Перевод Б. Дубина</i>	34
Свидетель. <i>Перевод Б. Дубина</i>	36
Мартин Фьерро. <i>Перевод Б. Дубина</i>	38
Превращения. <i>Перевод Б. Дубина</i>	40
Притча о Сервантесе и Дон Кихоте <i>Перевод Б. Дубина</i>	42
«Paradiso», XXXI, 108. <i>Перевод Б. Дубина</i>	44
Притча о дворце. <i>Перевод Б. Дубина</i>	46

Everything and nothing. <i>Перевод Б. Дубина</i>	49
Рагнарёк. <i>Перевод Б. Дубина</i>	53
«Inferno», I, 32. <i>Перевод Вс. Багно</i>	56
Борхес и я. <i>Перевод Б. Дубина</i>	58
О дарах. <i>Перевод Б. Дубина</i>	60
Песочные часы. <i>Перевод Б. Дубина</i>	62
Шахматы. <i>Перевод Б. Ковалева</i>	65
Зеркала. <i>Перевод Б. Дубина</i>	67
Эльвира де Альвеар. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	70
Сусана Сока. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	72
Луна. <i>Перевод Б. Дубина</i>	73
Дождь. <i>Перевод Б. Дубина</i>	78
К портрету капитана из войск Кромвеля <i>Перевод Б. Дубина</i>	79
Старинному поэту. <i>Перевод Б. Дубина</i>	80
Другой тигр. <i>Перевод Б. Дубина</i>	81
Blind Pew. <i>Перевод Б. Дубина</i>	84
Напоминание о тени тысяча восемьсот девяностых годов. <i>Перевод Б. Дубина</i>	85
Напоминание о смерти полковника Франсиско Борхеса (1833–1874) <i>Перевод Б. Дубина</i>	86
In memorem A. R. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	87
Борхесы. <i>Перевод Б. Дубина</i>	90
Луису де Камозэнсу. <i>Перевод Б. Дубина</i>	91
Девятьсот двадцатые. <i>Перевод Б. Дубина</i>	92
Ода, написанная в 1960 году <i>Перевод Б. Дубина</i>	93
Ариост и арабы. <i>Перевод Б. Дубина</i>	95

К началу занятий англосаксонским языком	
<i>Перевод Б. Дубина</i>	100
Лука, XXIII. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	102
Адрогэ. <i>Перевод Б. Дубина</i>	104
Искусство поэзии. <i>Перевод Б. Дубина</i>	107

МУЗЕЙ

О строгой науке. <i>Перевод Б. Дубина</i>	109
Четверостишие. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	110
Пределы. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	111
Поэт говорит о своей известности	
<i>Перевод К. Корконосенко</i>	112
Великодушный враг. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	113
Le regret d'Héraelite. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	114
In memorem Дж. Ф. Кеннеди	
<i>Перевод Б. Дубина</i>	115
Послесловие. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	117

25 августа 1983 года

25 августа 1983 года	
<i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	121
Синие тигры. <i>Перевод Вс. Багно</i>	130
Роза Парацельса. <i>Перевод Вс. Багно</i>	149

БОРХЕС КАК ОН ЕСТЬ

<i>Интервью Марии Эстер Васкес</i>	
<i>Перевод А. Миролюбовой</i>	156

Примечания. Б. Дубин, К. Корконосенко, А. Миролюбова	209
---	-----